

ограничения и ввели этот огромный пласт труднодоступного ранее литературного материала в отечественное научное пространство. Столь сложно организованная текстовая материя, как экспрессионистские тексты, стала настоящим вызовом для филолога-исследователя. «Трагический нерв» экспрессионистской поэтики и эстетики удивительным образом срезонировал в современных условиях необычайно усложнившегося человеческого бытия и зыбкости ориентиров. Совсем молодые исследователи бесстрашно и с большим энтузиазмом погрузились в те экзистенциальные бездны, в которые сто лет назад впервые широко открытыми глазами осмелился заглянуть немецкий и австрийский экспрессионизм. Выскажу также предположение, что не только количество, но и научный уровень работ, посвященных этой проблематике, дают право говорить о становлении «русского экспрессионизмоведения». Двухязычная перспектива изучения феномена, равно как и многочисленные переводы этих сложноорганизованных текстов, открыли возможности иного научного взгляда, отличного от любого монокультурного исследования. И в завершение несколько слов совсем личного характера: отчищая в конце 1990-х годов от мха и ржавчины не ухоженную по сравнению с другими могилу Курта Пинтуса на городском кладбище в г. Марбахе, я была уверена в том, что не пройдет и четверти века, как его имя станет известным в России, а составленная им антология экспрессионистской лирики «Сумерки человечества» войдет в список литературы, обязательной для изучения в профессиональной подготовке литературоведов и историков литературы. Наш обзор еще раз доказывает, что это случилось.

Литература

Ковалев Н.И. Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2016. – 19 с.

Красовицкая Ю. В. «Der neue Mensch» в немецкой экспрессионистской драме». Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2017. – 24 с.

Наумова В. С. Поэзия немецкого экспрессионизма и ее русская рецепция (1920-е годы). Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2016. – 19 с.

УДК 321.112.2.(091)(049.32)
ББК Ш33(4Гем)6

А. В. Елисеева

Рецензия на первый том «Истории литературы Германии XX века в трех томах» (Отв. редакторы В.Д. Седельник, Т.В. Кудрявцева)

Аннотация: В рецензии рассмотрена специфика нового труда по истории немецкой литературы XX века, издаваемого ИМЛИ РАН. Предметом анализа стали принципы описания литературного процесса в новой «Истории литературы», концепция литературного канона, понятийного аппарата, взаимодействие исследовательской субъективности и традиции в данном сочинении.

Ключевые слова: история литературы как научный жанр, немецкая литература, национальная литература, метанаучные исследования, литературный канон.

Коллективный труд ИМЛИ РАН «История литературы Германии XX века» в трех томах (Отв. редакторы В.Д. Седельник, Т.В. Кудрявцева), первая часть которого — «История литературы Германии XX века» Т. 1. Книга первая — (1880–1918) увидела свет в декабре 2016 г., а вторая — «История литературы Германии XX века» Т. 1. Книга вторая (1918–1945) — готовится к печати, несомненно, является важным этапом в исследовании немецкоязычной литературы с конца XIX до начала XXI вв. Можно предположить, что этот крупномасштабный проект будет по-разному оценен специалистами — от благодарных откликов за восполнение лакун, образовавшихся в российской германистике, долгое время по разным причинам (эстетическим, идеологическим и пр.) игнорировавшей или недооценивавшей те или иные явления литературного процесса (декаданс, югендстиль, массовая литература, официальная литература Третьего рейха и др.) до неизбежной критики концептуально-методологических принципов, критериев композиционно-структурного и содержательного характера (пропорциональность частей, легитимность присутствия (или отсутствия) в данном труде тех или иных имен, явлений, произведений), и до возражений по поводу выбранных методов анализа тех или иных художественных текстов. Об этом пишут в предисловии к первому тому и сами редакторы. Представляется, что подобные оценки неизбежно сопровождают и будут сопровождать любое описание литературного процесса той или иной макро- или микроэпохи. Данное послесловие призвано не рассеять все сомнения по поводу «правоты» редакторов и авторов

«Истории», а статья неким импульсом для продолжения дискуссии о явлениях, пока еще мало освещавшихся в отечественной германистике: легитимности «истории литературы» как научного текста, ее границах и принципах, об условности конструктов, связанных с ее созданием («литературная эпоха», «национальная литература» и т.п.), о проблемах канона, об осознанной или неосознанной ангажированности ученого и т.д.

Создание трудов по истории литературы, в том числе национальной, — занятие в нынешнее время довольно рискованное и в каком-то смысле неблагодарное, ибо, начиная приблизительно с 1960-х годов, по сей день в научной среде не затихает критика в адрес этого научного жанра и продолжается дискуссия о его проблематичности. Мишенью нападок становятся неизбежный редуccionизм описаний литературной жизни (очевидно, что ни одно, самое обстоятельное, описание не может вобрать в себя все явления и всех участников художественного процесса, даже если речь идет о микроэпохе), отсутствие рефлексии авторов по поводу критериев отбора элементов описания, часто присутствующая наивная вера в незабываемые эстетические авторитеты — неких литературных «гениев», «творцов», которые помещаются в «пантеон» историко-литературных очерков. Одним из инициаторов такой полемики был, как известно, представитель «констанцской школы» рецептивной эстетики Ханс Роберт Яусс, критиковавший в работе 1967 г. «История литературы как провокация литературоведения» [Jauß 1970] распространенную практику написания подобного рода сочинений, в которых изложение различных тенденций, направлений и течений принято соединять с очерками творчества неких «выдающихся», с точки зрения создателей труда, авторов. В качестве выхода Яусс предлагает при диахроническом описании литературных явлений выдвинуть на первый план фактор рецепции текстов. В работе 1969 г. «Смена парадигмы в литературоведении» Х. Р. Яусс критикует и популярный в историко-литературных трудах конструкт «национальной литературы», интерпретируя его как наследие идеологии XIX в. По Яуссу, с начала XX столетия ни один мыслящий человек не может усмотреть общности между, например, текстами Средневековья и Нового времени, созданными на одной территории, между «Песней о Нибелунгах» и «Ифигенией» Гёте, между «Песней о Роланде» и творчеством Поля Валери [Jauß 1969].

Критика трудов по истории литературы содержится, как известно, также в работах Рене Уэллека и Остина Уоррена. Так, Р. Уэллек подвергает сомнению часто лежащие в основе подобных сочинений

идеи эволюции, представления о причинно-следственных связях художественных процессов. Он указывает помимо этого на иллюзорность возможности единого научного дискурса, применимого к явлениям литературы, для описания которых в реальности часто используется соединение биографических, библиографических, социологических дискурсов, анализ стихосложения, тем и мотивов, при этом информация о литературе преподносится на фоне сведений из социальной, интеллектуальной и политической жизни [Wellek 1982].

Скептической оценке подвергает создание историй литературы и Ролан Барт, указавший в эссе 1960 г. на то, что они, как правило, представляют собой вереницу портретов и очерков творчества «великих мужей»:

Возьмем какую-нибудь историю литературы (все равно, какую: мы не раздаем призы, мы размышляем о правилах игры). От истории здесь осталось одно название: перед нами ряд монографических очерков, каждый из которых обычно посвящен отдельному автору как некоей самоценной величине; история здесь превращается в череду одиноких фигур; короче, это не история, а хроника. Конечно, имеется и порыв дать общую картину — применительно к жанрам или к школам (порыв все более и более заметный), но этот порыв никогда не выходит за рамки литературы как таковой; это поклон, который на ходу отвешивают исторической трансценденции; это закуска перед главным блюдом, имя которому — «автор». Таким образом, всякая история литературы сводится к серии замкнутых критических анализов [Барт 1989: 209].

В различных работах, критикующих историю литературы как жанр можно отметить ряд общих положений: сомнение в концепции «национальной литературы», ее единстве и преемственности, а также в легитимности и проблематичности литературного канона. Очевидно, что с последним всегда связана селекция материала для работ по истории литературы. Одним из основных предметов рефлексии и саморефлексии, которые предлагает любая история литературы, является присутствующий в ней материал, т.е. отбор авторов и литературных тенденций, сочтенных «достойными» быть представленными в труде. Каждое описание литературного процесса неизбежно встает перед проблемой канона, в частности критериев выбора тех авторов, которым отводятся отдельные главы и которые тем самым представляют собой «лицо»

того или иного литературного периода, тех, которые упоминаются в обзорных частях работы, и тех, чьи имена остаются за рамками труда.

Неслучайно дискуссия о каноне бурно началась в 1960-е годы, одновременно с полемикой вокруг принципов описания истории литературы. Проблема литературного канона (а также эстетического, философского и пр.) интенсивно обсуждается до сих пор¹⁰. Эта дискуссия оживилась в конце XX в. в связи с выходом книги известного американского филолога Гаролда Блума «Западный канон» (1994) [Bloom 1994]. Именно Блум представляет одну из крайних позиций в споре, утверждая наличие неких вневременных эстетических достижений, представленных творчеством таких писателей как Шекспир, Данте, Сервантес и т.д. Исследователи, полемизирующие с концепцией Блума, подчеркивают определяющую роль властных структур в создании эстетического, в том числе литературного канона. Так, отмечается особое значение канона для формирования феномена нации в XIX в. Ученые, занимающиеся постколониальными и гендерными исследованиями, указывают на систематическое исключение из канона авторов, не принадлежащих к доминантной группе общества — например, представителей этнических меньшинств той или иной страны или женщин. Во второй половине XX в. в связи с усилением культурной стратификации общества констатируется сосуществование нескольких канонов, принадлежащих различным субкультурам [Korte 2002]. Деконструкции художественного канона в немалой степени способствовала, как известно, и теория поля Пьера Бурдьё, в соответствии с которой литература, как и любая иная сфера деятельности, представляет собой арену конфликтов, область борьбы за власть, за символический капитал¹¹.

В работах Бурдьё рассмотрена и другая проблема, тесно связанная с созданием истории литературы — условность и историческая ограниченность понятийного аппарата, которым пользуются авторы соответствующих книг. Бурдьё называет различные определения и наименования литературных явлений (направлений, школ и т.п.) вплоть до понятий «писатель», «автор» «рабочими дефинициями». Их значение формируется в некий конкретный исторический период в результате борьбы за символический капитал в литературном поле. Так, например, победа в литературном поле приверженцев «чистого искусства» лишает

¹⁰ Об истории дискуссии о каноне, её основных этапах см., напр., [Assmann 1998: 47-59].

¹¹ На материале русской литературы столкновение интересов в борьбе за символический капитал рассмотрел, как известно, Михаил Берг [Берг 2000]

права называться «писателями» создателей коммерчески успешных книг или доминирование социально ангажированной тенденции отнимает звание «автора» у тех, кто пишет развлекательные романы [Бурдьё 2000].

В монографии 1980 г. немецкий исследователь Уве Япп подводит своего рода предварительный итог дискуссиям о принципах и проблемах историографических описаний литературы. У. Япп соотносит, с одной стороны, трудности, стоящие перед историком литературы, с общими проблемами историографии как таковой, с другой стороны, учитывает специфику написания истории литературы. Автор монографии «Связный смысл» («*Beziehungssinn*»), опираясь на работы теоретиков литературного процесса, в очередной раз указывает на конструктивистский характер любой истории литературы и ее понятийного аппарата, в частности на спорность и неоднозначность таких понятий как «национальная литература»¹², «литературный период» и т.д. Резюмируя многочисленные суждения исследователей о методологической сомнительности трудов по истории литературы, У. Япп приходит к выводу, что любой проект, предлагающий диахроническое описание литературной жизни какого-либо периода неизбежно является конструктом создателей. Его формирование всегда обусловлено идеологическими факторами, дискурсами, ментальными структурами, присущими как определенному времени или государству, так и отдельному исследователю. Данные обстоятельства определяют отбор материала, диалектику «памяти и забвения», использование вспомогательных конструктов, таких как «автор», «национальная литература», «традиция», «литературный период» и т.п. Приводя тезисы Уэллека и Уоррена, которые в своей «Теории литературы» деконструировали идею литературного периода, указав, что этот феномен носит либо номиналистический характер, либо подразумевает метафизическую природу литературных явлений, Уве Япп отмечает:

«Всякая воображаемая совокупность произведений эпохи представляет собой поэтому исключительно продукт историка» [Japp 1980: 88].

¹² Конструкт «национальной литературы», в свою очередь, тесно связан с конструктом нации как таковой, механизмами создания которого занимается в частности Бенедикт Андерсон и его школа. См., например, [Андерсон 2001].

Конструирование литературного периода происходит с учетом его имплицитной поэтики в результате отмежевания от предыдущего или предыдущих, а также от последующих периодов. Об условности такого размежевания свидетельствует, по Яппу, необозримый плюрализм наименований эпох и направлений в различных монографиях, при этом, как указывает автор, часто при описании литературного процесса просто используются уже готовые «ярлыки», заимствованные из предыдущих сочинений по истории литературы [Jarr 1980: 85].

Нужно сказать, что и российская литературоведческая мысль постепенно склоняется к отходу от «наивной веры» в возможность создания «объективной» хроники литературной жизни, к откату от нерелефированного использования терминов и к принятию тезиса о конструктивистской сущности всякой историографии. Так, А.В. Белобратов указывает на дискуссии вокруг данного предмета в российской науке начала XXI в., а также рассматривает эту проблему на материале трудов по истории немецкоязычной литературы, созданных в постсоветском пространстве [Белобратов 2010].

Парадокс ситуации состоит в том, что, несмотря на бурные дискуссии и скепсис по отношению к сочинениям такого жанра, книги по истории литературы продолжают издаваться в разных странах. Этот феномен явно обусловлен как инерцией научной мысли, так и практическими потребностями, например, необходимостью структурировать литературный процесс для изложения в рамках университетских программ, преодолеть «хаос» информации о художественных произведениях и их создателях при подготовке специалистов-филологов. В такой парадоксальной ситуации разумным выходом представляется осознание создателями того или иного труда хронологических границ, оснований и истоков исследования, в той мере, в какой это возможно сделать, не обладая временной, географической и иной дистанцией, очуждающей собственную филологическую культуру, то есть не дающей возможности взглянуть на нее «со стороны». Попыткой саморефлексии является и эта рецензия, призванная (в идеале) пробудить коллективную полемическую мысль. Объектом нашего рассмотрения будут структура книги, ее понятийный аппарат, отбор материала для исследования и т.д.

Оставляя проблему канона дискуссионной и открытой, можно считать продуктивной позицию М. Ямпольского, во многом

созвучную концепции Яусса: включение произведений в канон во многом обусловлено количеством интерпретаций, окружающих того или иного автора, то или иное произведение [Ямпольский 1998]. Эти интерпретации расширяют семантическое поле текстов и придают им надличностный характер. Именно величина и длина интерпретационного «шлейфа» побуждают неизменно включать в труды по истории немецкой литературы XX в. Томаса и Генриха Маннов, Бертольта Брехта, Герхарта Гауптмана и т.д., то есть авторов, канонизированных во времена разделения Германии в обеих ее частях. Не стало исключением и новое издание истории немецкой литературы, опирающееся на канон, сложившийся в немецкой (а также австрийской и швейцарской) германистике. Об этом свидетельствуют не только главы об уже упомянутых авторах, но и очерки творчества Альфреда Дёблина, Теодора Фонтане, Готфрида Бенна, Стефана Георге и др.

Редакторы и авторы коллективного труда стремились учесть и специфику канонов, сложившихся в свое время в Веймарской республике, а затем в ГДР и ФРГ, канонов, маркировавших идеологические разногласия этих стран. Так, создатели «Истории литературы Германии XX века» отдали дань канонизации творчества таких авторов как Анна Зегерс, Фридрих Вольф, Иоганнес Роберт Бехер, востребованных в немецком «рабоче-крестьянском государстве», интенсивно интерпретированных в духе его идеологом. С другой стороны, в «Истории литературы Германии XX века» нашлось место и для очерков о творчестве Эрнста Юнгера, Эмиля Штрауса, Агнес Мигель и прочих авторов, чьи популярные у реваншистских идеологов ФРГ произведения содержат культ милитаризма, расовые идеи, мифологемы «крови и почвы» и т.д.

В рецензируемом труде учтена и специфика канона немецкой литературы, сложившегося в СССР, а затем и в постсоветской России. Формирование нового российского канона во многом проходило под влиянием государственных догм СССР, определявших, с одной стороны, предпочтение текстов, содержащих элементы созвучных идеологий (изображение классовых разногласий, критику немецкого национал-социализма, отторжение ряда явлений жизни в «капиталистических странах» и т.п.), обусловивших, с другой стороны, интерес к произведениям, которые возможно было рассматривать в качестве оппозиции официальным ценностям государства. Отсюда проистекает зародившийся в 1970-е годы интерес к творчеству Германа Гессе с его интересом к глубинам психики и культом самопознания, которые были восприняты как альтернатива лозунгам и

идеологическому конформизму советского времени, или высокая оценка в науке и читательском восприятии книг Эриха М. Ремарка, сочетавшего привычные советскому читателю социальные и этические установки (например, антифашизм) с созвучным позднесоциалистическому времени эскапизмом (бегством от общественной жизни и социальной действительности в мир личных переживаний). Соединение простых и популярных идеологем (критика капиталистического общества, немецкого нацизма) с занимательностью сюжета стали, вероятно, причиной популярности Ганса Фаллады, а также Леонгарда Франка, удачно сочетавшего официально одобренную в СССР антифашистскую направленность произведений с легкой эротикой увлекательных любовных историй. В 1980 – 1990-е годы в связи с кризисом, а затем и распадом социалистической системы в отечественной германистике наметился повышенный интерес к мало исследованной до тех пор литературе рубежа XIX–XX вв., поворот в сторону изучения модернизма. Такой интерес обусловлен, вероятно, и стремлением ликвидировать большой зазор между российской и западной германистикой: искусство рубежа XIX–XX вв., долгое время упрощенно представлялось советскими исследователями в контексте лишенной какой бы то ни было художественной ценности «декадентско-буржуазной» культуры, и поисками параллелей и различий между двумя «концами века» — XX и XXI. В постсоветское время наметился также интерес к проблематике взаимоотношений литературы и религии, также табуированной в ГДР и СССР. Таким образом, специфику данного труда определяет попытка учесть различные виды канонов, сформировавшихся в разных странах и в разное время.

Тем не менее описание истории литературы как сосуществования и смены художественных парадигм (натурализма, символизма, импрессионизма и т.д.), обращение к творчеству писателей, которые вошли в канон немецкой литературы, сочетается со стремлением выйти за пределы существующих канонов и расширить поле анализа. Примером такого подхода может служить глава о серболужицкой литературе, освещающая творчество этнического меньшинства Германии. В труде рассмотрены также традиции иных культур (например, еврейской), присутствующие в немецкой литературе. Специальные разделы посвящены массовой и детской литературе, значительное место отведено нацистской литературе и т.д. Примечательно, что больше внимания, чем обычно, уделено писателям-женщинам (отдельные главы посвящены Эльзе Ласкер-Шюлер, Маше Калекко, Агнес Мигель

и др.). Это служит подтверждением расшатывания канона как некоей незабываемой структуры, свидетельствуя о кризисе его колониального, патриархатного и элитарного характера. Неслучайно «История» вводит в научный оборот имена многих малоизвестных ныне в России писателей. Своеобразный центризм, характерный для многих академических историй литературы, когда в основном ответственные редакторы и редколлегия влияют на отбор материала, а также на его расположение в общей структуре, удачно сочетается в новой истории с учетом научных интересов авторского коллектива. Если, например, идея создания очерков массовой, «областной» или детской литературы, литературы анархизма, «консервативной революции», югендстиля, неоклассицизма, рабочей литературы и др. исходила от руководителей проекта, то главы «Дадаизм», «Экспрессионизм», «Официальная литература Третьего рейха», «Арно Хольц», «Карл Штернхайм», «Георг Гейм», «Герман Гессе» и многие другие есть плод многолетних исследований российских германистов в данной области. Впервые в историю немецкой литературы включены монографические главы о таких любопытных писателях, как Пауль Шеербарт, Кристиан Моргенштерн, Вильгельм Буш и др.

Соединение различных типов литературного канона, возникновение зазоров между ними, сдвиги от центра к периферии создают автопортрет работающей с «обломками» разных канонов и отмеченной центробежными тенденциями современной российской германистики. Их увязывание с представлениями о «традиции» канона порождает новый «связный смысл» («Beziehungssinn»), который конструирует, по Уве Яппу, любая история литературы. В данном случае изложение литературных явлений предстает как поле взаимодействия разнонаправленных процессов канонизации и деканонизации. По всей видимости, эта черта привлечет к труду внимание не только российского, но и зарубежного читателя.

Стремление авторов труда к многогранному изложению литературного процесса привело к соединению в труде разных подходов к его описанию. В «Истории» сосуществуют главы, в которых фокус внимания сосредоточен на эстетической стороне литературных явлений (югендстиль, «Группа “Харон”» и т.д.) и глав, выделяющих в том или ином литературном явлении проблемно-тематическую, идеологическую стороны (рабочая, нацистская, антифашистская литература и т.п.). С другой стороны, в большинстве глав эти подходы сочетаются, поскольку невозможно отделить идеологию и мировоззрение от эстетики в таких явлениях как

экспрессионизм и дадаизм, «новая деловитость» и натурализм, или дать «чистый» художественный портрет даже таких, казалось бы, далеких от политики писателей как Стефан Георге или Карл Май. В ряде глав, описывающих литературные направления, содержится не столько «объективная» картина действительности, сколько анализ дискурсов, структурировавших тот или иной феномен. Особенно очевидно данная тенденция проявилась в главе о декадансе.

С другой стороны, в труде наблюдается определенная субверсия сложившегося в литературоведении понятийного аппарата. Ее можно усмотреть, например, в соседстве персоналий Томаса Манна, Карла Мая, Бертольта Брехта и Агнес Мигель, подвергающем сомнению не только непреложность канона, но и заставляющем задуматься о таком понятии как автор, «творец», которое, по П. Бурдые постоянно меняет свое содержание, приобретая различные коннотации: либо эстетического новатора, либо «глашатая истины», либо обладателя неких непреложных «художественных достоинств». Объединяя на своих страницах разные типы авторов (писателей, ориентированных на коммерческий успех и развлечение публики, реформаторов эстетической системы, создателей произведений, обслуживающих господствующую идеологию или оппозиционных по отношению к ней) новая история литературы сталкивает, соотносит друг с другом различные трактовки понятия «автор», способствует размыванию его семантических границ, преодолению догматизма и одномерности филологического мышления.

При чтении глав «Истории литературы Германии XX века» неизбежно встает вопрос о причинах обращения ее создателей к тем или иным феноменам, структурам, персоналиям (помимо уже упомянутого стремления учесть различные типы канона немецкой литературы и традиции описания литературного процесса). Этот вопрос тесно связан с нередко поднимаемой в науке проблемой принципиальной невозможности некоего «объективного», незаинтересованного описания исторического процесса, в том числе и литературного. В свете современной философской мысли, в частности, трудов Мишеля Фуко или Эдварда Саида, каждый исследователь неизбежно находится под властью дискурсов своего времени. Миф о незаинтересованной науке категорически отвергает и американская исследовательница Донна Харауэй, создательница концепции «ситуированного знания» [Haraway 1988]. По Харауэй, язык любой науки представляет собой переплетение нарративов, мифов, идеологем, метафор определенного времени, при этом он, однако, является частью некоей культурной традиции, способствующей

взаимодействию человека с окружающим миром. Сходные взгляды формулирует историк Хейден Уайт, который пишет об обусловленности всякого научного изложения готовыми нарративными структурами, например, описанием исторических процессов в рамках трагедийного, комедийного, романного нарратива [White 1986, White 2008]. О неизбежной ангажированности анализа литературных сочинений пишет и Ролан Барт:

Он (особый статус литературы. — *А.Е.*) основан на парадоксе: литература есть совокупность элементов и правил, технических приемов и произведений, функция которой в общем балансе нашего общества состоит именно в том, чтобы институционализировать субъективность. Чтобы следовать за этими действиями литературы, критик должен сам сделаться парадоксальным, выставить напоказ то неизбежное пари, которое понуждает его говорить о Расине либо так, либо иначе: критик тоже является частью литературы. Первое правило объективности состоит здесь в том, чтобы оповещать о системе прочтения, поскольку нейтрального прочтения не существует [Барт 1989: 230].

В свете подобных концепций представляется крайне уязвимой любая претензия авторов на создание объективно-бесстрастной картины литературной жизни. Вместо этого, любой, в том числе данный труд, следует воспринимать в русле теории «ситуированного знания» как срез российской германистики начала XXI в., как отражение тенденций науки в конкретный исторический период в определенной стране и как галерею автопортретов его создателей, которые, наравне с изучаемыми ими авторами тоже предстают, по определению П. Бурдьё, «агентами литературного поля». Как и любая история литературы, данный труд побуждает к дискуссии о совокупном взаимодействии ментальных, эмоциональных и телесных структур, формирующих интересы и точки приложения сил в науке, вопросы об участии исследователей в создании иерархий, т.е. в борьбе за власть в культурном поле.

Очевидно, данный коллективный труд даст богатый материал для последующих метанаучных исследований. Ценность данной истории литературы состоит, очевидно, не в ее «непогрешимости», а в том, что она содержит уникальную мозаику современных научных нарративов, мозаику, в которой можно обнаружить и индивидуальность элементов — ведь голос каждого исследователя, участвовавшего в написании книги, обладает своим, узнаваемым звучанием — и их общность, проявляющуюся среди прочего в использовании сходных «рабочих дефиниций», предпочтении сходных интерпретационных и

описательных моделей и т.п. Последующим поколениям филологов с временной дистанции станет более очевидно, какие мифы, идеологемы и нарративы определяли этот историко-литературный труд.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

Барт Р. История или литература? / Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. С. Л. Козлова. Составление, общая редакция и вступительная статья Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 209-232.

Белобратов А.В. Парадигмы русских «Историй немецкоязычной литературы» // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. VII. М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 11-25.

Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 352 с.

Бурдьё П. Поле литературы. / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение, 2000, № 45. С. 22-87.

Ямпольский М.А. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература, 1998, № 12. С. 214-222.

Assmann A. Kanon als Provokation der Literaturwissenschaft / Hrsg. R. Heydebrand. Kanon Macht Kultur. Theoretische, historische und soziale Aspekte ästhetischer Kanonbildung. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 1998. – S. 47-59.

Bloom H. The Western Canon. The Books and School of the Ages. London, New York: Harcourt Brace, 1994. – 578 P.

Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies, 1988, № 14(3). 575-599.

Japp U. Beziehungssinn. Ein Konzept der Literaturgeschichte. – Frankfurt/Main: Europäische Verlagsanstalt, 1980. – 270 S.

Jauß H.R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970. – 251 S.

Jauß H.R. Paradigmawechsel in der Literaturwissenschaft // Linguistische Berichte, 1969, H. 3.S. 44-56.

Korte H. Historische Kanonforschung und Verfahren der Textauswahl / Hrsg. K.-M. Bogdal, H. Korte Grundzüge der Literaturdidaktik. 3. Aufl. – München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2002. – S. 61-77.

Wellek R. The Fall of Literary History / Wellek R. The Attack on Literature and Other Essays. – Chapel Hill: University of North Carolina, 1982. – P. 64-77.

White H.V. Auch Klio dichtet oder die Fiktion des Faktischen: Studien zur Topologie des historischen Diskurses / Aus dem Engl. von B. Brinkmann-Siepmann. – Stuttgart: Clett-Cotta, 1986. – 335 S.

White H.V. Matahistory: Die historische Einbildungskraft im 19. Jahrhundert in Europa. 2. Aufl. / Aus dem Engl. von P. Kohlhaas. – Frankfurt am Main: Fischer, 2008. – 592 P.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск.

E-Mail: akasheva.tv@yandex.ru

Андреюшкина Татьяна Николаевна – док. филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет

e-mail: andr8757@mail.ru

Дубах Татьяна Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург.

e-mail: romt2@list.ru

Елисеева Александра Владимировна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург.

e-mail: elisseeva_alexan@mail.ru

Иванова Екатерина Анатольевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург.

e-mail: slekan@yandex.ru